

Норманизм и антинорманизм.

(К вопросу о происхождении имени «Русь»).

Споры норманистов и антинорманистов как будто вступают в новую фазу: молодой норманист В. А. Брим выступил только что с попыткой помирить эти два течения в наиболее прекословном имени «Русь»¹. Он допускает существование двух имен «Русь»: южного, более старого, и северного, норманского, при чем предполагает слияние их в Киеве после прихода сюда Норманов. Таким образом путь к погашению старых споров вокруг этого имени как будто намечен, но самый способ их примирения в данном случае вряд ли приемлем. Ход размышлений В. А. Брима относительно процесса объединения южного и северного имен таков: Норманы в Новгородской области получили имя «Русь», отсюда принесли его к Днепру, тут его за собою закрепили, после чего византийцы, отождествив данную «Русь» с библейским «Рѡс», этот термин приложили к норманско-киевской Руси. Переложим теперь этот процесс, как его представляет Брим, на хронологические цифры. Во время похода на Царьград 860 г. это имя византийцами уже прилагается к нашей Руси; очевидно, от Византии это имя попало и на страницы Бертинских анналов еще под 839 г.; вывод получается тот, что в середине IX века византийцы уже присваивали это имя нашей Руси, действующей на юге (вообще). Следуя приведенному ходу рассуждений В. А. Брима и идя в обратном хронологическом порядке, получаем, что на Днепре норманы должны были быть не позже начала второй четверти и даже в самом начале IX века, а на территории Новгородской области появились, конечно, прежде, приблизительно на рубеже VIII—IX вв., если еще не раньше. Допустима ли такая хронология утверждения норманов на пути «из варяг в греки»? Встречается ряд «но». Прежде всего получается несоответствие летописной хронологии (862 — 882 гг.), которая, как

¹ См. его статью «Происхождение термина «Русь»» — «Россия и Запад», сборник I, Петербург, 1923 г.

показали изыскания А. А. Шахматова, конечно, недостоверна, но эта недостоверность идет скорее за счет отодвигания летописцем событий вперед, дальше от себя, а не назад, приближая к себе. Далее, изыскания профессора А. Шеленговского¹ и известного ученого Т. Арне², в общем сочувственно принятые в науке, момент использования пути «из варяг в греки» относят не раньше как приблизительно ко второй половине X века; более ранние передвижения норманов по этому пути, более или менее массовые и постоянные, конечно, сказались бы в определенных культурно-археологических следах, которых данные ученые не находят здесь ранее указанного момента. Затем, заслуживает внимания тут вновь высказанное определенное заявление нашего много поработавшего археолога А. А. Спичина, подчеркивающего ту мысль, что «приблизительно до пролоины IX в. норманы не принимали никакого участия в культурной жизни широкой полосы восточного побережья Балтийского моря вообще, что «прежде всего» тут они «проникли в Финляндию», что «на Волге они основались в X в.», что на территории варяго-греческого пути норманские вещи «встречаются лишь от X в.» — не раньше³. Наконец, другой широко известный ученый археолог — проф. М. И. Ростовцев категорически теперь заявляет, что норманы не оказали вообще никакого влияния ни на общественную и государственную структуру Киевской Руси, ни на ее культурную жизнь⁴. Все эти данные, вместе взятые, заставляют несколько усомниться в исторической достоверности того процесса слияния южного и северного имени «Русь», какой нарисован В. А. Бримом и какой предполагает слишком раннее массовое утверждение норманов на русской территории. К этому еще присоединяются те чисто летописные наблюдения А. А. Шахматова (независимо от его рабочих гипотез), что варяги — это «племена севера», а «Русь» — «племена юга»⁵ что имена «варяги» и «Русь» в давнее историческое

¹ «Najstarsze drogi z Polski na Wschód...», Краков, 1909.

² «La Suède et l'Orient», Упсала, 1914.

³ «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Петербург, 1922 г. ст. — «Археология в темах начальной русской истории».

⁴ Revue des études Slaves, 1922. 2 t.

⁵ «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб, 1908, стр. 325 и др.

время, давнее даже для первых летописцев, не смешивались и не отождествлялись между собою, а в известный момент даже противопоставлялись¹, откуда и возникли гипотетические построения Шахматова о чрезвычайно раннем занесении норманами имени «Русь» на юг — около рубежа VIII—IX вв.², имени, как показывают приведенные В. А. Бригом справки, без того давно здесь известного. Сопоставление отмеченных данных не ведет нас непременно к антинорманизму, не исключает известной роли и значения норманов в среде восточно-славянских племен, — они склоняют лишь, думается, к принятию того положения, что имя «Русь» в Киев могло попасть скорее с юга и юго-востока, что византийцы именно не позже середины IX века присвоили это старое библейское имя тому нападавшему на них племени³ (или дружине), которое не было в массе норманским, не будучи связано с недалекой от Византии и Черного моря территорией, в то же время могло иметь в своей среде отдельные норманские элементы⁴. Ясно одно: норманы не могли жить среди Восточного Славянства такой массой, чтобы повлиять на культуру и государственность Киевской Руси, стоявшей в связи с рядом сильных и богатых культур юга и юго-востока⁵, а потому не могли они и дать толчка возникновению здесь имени «Русь», имени, известному тут ранее их прихода, но некоторую историческую связь с этим именем они могли иметь и имели и отсюда могло возникнуть их наименование финнами «Ruotsi», «Ruotsalainen». Любопытно, что летописный текст Новгородской первой летописи младшего извода, — который А. А. Шахматов принимает за начальный свод, более древний, чем «Повесть временных лет», — с походом 860 г. на Византию связывает, видимо, происхождение имени «Русь», которое, по нему же, в Киев

¹ Ibidem, а также «Призвание варягов», СПб, 1904 г., из «Известий Отд. русск. яз. и слов. И. Академии Наук».

² «Введение в курс истории русского яз.», Птгр., 1916, «Древнейшие судьбы русского племени», Птгр., 1919.

³ Ранее они его усваивали вообще «северным скифским народам» (Андрей Кесарийский, Арефа)

⁴ Отсюда могло явиться известное сближение с Русью свеонов: Бертинской летописи.

⁵ См. в упом. статье — Ростовцева «Les origines de la Russie Kiévienne» Revue des études Slaves, 1922, t. II, f. 1, 2; а также в упомянутой статье Спицына.

принесено позже — при Игоре. Из этого текста мы, думается, можем сделать два вывода относительно имени «Русь»: во-первых, это имя возникло на юге в связи с Византией и походами туда и, во-вторых, позже, затем уже оно принесено было в Киев.

Таким образом самый ранний Киевский летописец по крайней мере представлял дело так, что на юге, южнее Киева, в Византии и вблизи ее, имя Руси знали раньше, чем в Киеве; тут, думается, мы имеем летописное указание на то старое южное или юго-восточное имя «Русь», которое принимает и В. А. Брим. И, рассуждая логически и допуская обычный исторический ход вещей, естественнее принять, что южные, более культурные народы и племена скорее могли занести в Киев имя «Русь», — раз оно тут на юге ранее было известно, — чем северные грозные варвары, большей массой не поселившиеся на Руси и не оставившие тут своих следов, при том этого имени исторически не носившие и лишь как-то случайно с ним соприкоснувшиеся и от этого соприкосновения вызвавшие себе названия «Ruotsi» — «Ruotsalainen» у финнов¹.

Вопрос о Скандинавском происхождении имени «Русь» обследован до последней возможности и в конце концов привел ученых к стене, разбить которую нельзя остроумными гипотезами. В работе В. А. Брима, как и в последних изысканиях археологов, мы видим поворот — и в отношении имени «Русь», и вообще относительно вопросов, касающихся начала Руси и ее государственности, — поворот к обследованиям и изысканиям не на бесплодном севере, или по крайней мере не только тут, но и на тучной ниве юга и востока, где искать, правда, вообще труднее и непривычнее, но зато скорее можно ждать благоприятных результатов этих научных поисков. Нужно только не забывать, что норманизм — лишь одно из слагаемых, на которых строилась начальная Русь, ее государство, ее культура; пора серьезнее и усерднее приняться тут за изучение других слагаемых, не видя в этом измены норманизму, а лишь — восполнение его однобокости.

Владимир Пархоменко:

¹ Аналогия. Чудью названо было на Руси финское племя, хотя это имя происходит от названия готы «*thiuda*».